

П.К. Доброцветов

СВЯТИТЕЛЬ ЕВЛОГИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (580–607): ЛИЧНОСТЬ, ЖИЗНЬ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются жизнь и деятельность патриарха Александрийской Церкви Евлогия — св. отца и богослова VI–VII вв. Исследование предваряется описанием исторической, церковной и государственно-политической ситуации в Византийской империи V–VII вв., особенно — в Египте. Приводятся практически все дошедшие до нас биографические сведения о свт. Евлогии, дается полный перечень сохранившихся или упоминаемых в связи с ним сочинений с кратким обзором их богословского содержания, сопровождаемым основными выводами.

Ключевые слова: богословие, свт. Евлогий Александрийский, Александрийская Церковь, христология, триадология, монофизитство, IV Вселенский (Халкидонский) Собор, «неохалкидонизм», сущность, ипостась.

Вторая половина VI – начало VII века, — время, в которое свт. Евлогий управлял Александрийской церковью, — можно охарактеризовать как время упорной «позиционной войны» в церковно-догматической борьбе на Востоке между православными и монофизитами. Традиционно обладая в Египте сильными позициями в начале своего развития, монофизитство со временем распространилось и на другие восточные территории — Сирию, Армению, отчасти Малую Азию, вовлекая в сферу своего влияния местное — негреческое население этих провинций, выступавшее нередко под монофизитским флагом за свою культурную и государственную независимость от греческой митрополии. Поэтому массы коренного населения восточных провинций часто оказывались монофизитскими. С другой стороны, императорская власть все еще обладала определенными «ресурсами» в этой борьбе: во-первых, это «халкидонски»-ориентированные европейские и большая часть малоазийских территорий,

Павел Кириллович Доброцветов — кандидат философских наук, преподаватель Московской православной духовной академии.

во-вторых, воля власти церковной и гражданской к отстаиванию Православия, а в-третьих, позиция довольно значительной прослойки греческого населения, традиционно выступавшей за вероопределение Халкидона на восточных территориях. Поэтому в эту эпоху борьба между православными и монофизитами шла с переменным успехом. Однако, как можно предположить, на Востоке у сторонников монофизитства и сочувствующих ему был численный перевес. Напряжение ситуации усугублялось еще и тем, что далеко не все византийские императоры были на стороне халкидонитов, а некоторые или вовсе поддерживали монофизитов, или проводили политику унии, или стремились самоустраниться от решения этой проблемы, которая фактически расколола население на востоке империи по религиозному признаку. Этот раскол был готов вылиться во что-то большее, чем раскол и противостояние. Были нужны для этого некие внешние условия, и они нашлись в VII веке в виде персидской и арабской угроз, которые и выявили поддержку захватчикам местного, монофизитского населения, оппозиционного «халкидонскому» имперскому центру, что во многом и объясняло быстрый захват этих территорий персами и арабами. На востоке в этот «позиционный» период противостояния основная тяжесть борьбы легла на плечи местных православных архиереев и государственных чиновников, поддержанных относительным меньшинством оставшегося верным Православию населения — так называемыми «мелкитами»¹. Непокойствие усиливалось также и тем, что само монофизитство не было однородным, но распалось на множество течений и сект, часто враждовавших не только с «халкидонитами», то есть православными, но и между собой. Масло в огонь подливали еретики — иудеи и самаряне, в большом количестве проживавшие на востоке империи, и в том числе в Египте. Будучи настроены враждебно к императорской власти и христианству в целом, они периодически устраивали волнения и кровавые бунты, которые приходилось усмирять с помощью военной силы.

¹ От коптского слова «мелк», то есть «царь», поскольку на стороне православных чаще всего оказывалась византийская императорская власть.

Из перечисления всех этих факторов можно видеть, что в эту эпоху положение Александрийских патриархов в своем диоцезе, ставшем оплотом последователей монофизитства, было весьма непрочным, а власть ограничена и далека от той безграничной «деспотии», которой обладали в Египте их предшественники, такие как свт. Афанасий, и, особенно, свт. Кирилл и Феофил Александрийские.

Имя свт. Евлогия Александрийского упоминается в числе богословов-полемистов VI в., представителей так называемого «неохалкидонизма», то есть тех православных отцов Церкви и церковных писателей, которые защищали и объясняли богословие Халкидонского Собора в VI веке. Они стремились согласовать Халкидонское вероопределение с некоторыми не упомянутыми на этом Соборе формулировками свт. Кирилла Александрийского, и, в частности, знаменитым выражением «единая воплощенная природа Бога-Слова»². Это было необходимо по разным причинам, среди которых было уврачевание монофизитского раскола на востоке империи и опровержение монофизитов, которые считали себя строгими последователями свт. Кирилла Александрийского, а также защита богословия Халкидона от обвинений в несторианстве. Поэтому свт. Евлогий прежде всего выступал как православный полемист.

О времени рождения свт. Евлогия нам ничего не известно, а те сведения о его жизни, которыми мы обладаем, весьма скудны и ограничены. По происхождению Евлогий был грекоговорящий сириец, родом, по-видимому, из Антиохии или других районов Сирии. Он прошел все ступени церковно-иерархической лестницы на пути своего административного восхождения. Вначале монах и клирик

² Хотя данное выражение прочно вошло в употребление в богословской и церковно-исторической литературе, особенно на Западе, тем не менее, оно подвергается критике за его неадекватность, в частности профессором МПДА А.И. Сидоровым. См.: *Сидоров А.И.* Развитие православного богословия в период после Халкидонского Собора и до начала VII в. Понятия «неохалкидонизм» и «строгий халкидонизм» — их неадекватность // *Анастасий Синаит. прп.* Избранные творения / Под. ред. А.И. Сидорова. М., 2003. С. 323–333.

Антиохийской православной церкви «халкидонской ориентации»³, он жил затем, как можно предположить, по делам Антиохийской церкви, некоторое время в Константинополе, где завязал «искреннюю дружбу»⁴ с апокрисиарием Римского папы Пелагия II при византийском императоре Тиверии II — Григорием (будущим Римским папой свт. Григорием Великим (Двоесловом)⁵), которая продолжалась до смерти последнего в 604 г. В последние десятилетия своей жизни друзья уже не имели возможности встречаться и общаться лично, но поддерживали между собой дружескую переписку, от которой сохранилось некоторое количество писем свт. Григория к Евлогию: десять писем персонально адресованных ему⁶, а также три, направленных восточным патриархам, и, в том числе, Евлогию как патриарху Александрийскому⁷. Эти письма не только являются важным источником для реконструкции деталей жизненного пути свт. Евлогия, но и несут в себе немало важной исторической информации, в том числе — по поводу отношений Римского и Восточных патриархатов в конце VI века.

До восшествия на Александрийскую кафедру Евлогий был игуменом Богородичного «Юстинианова» монастыря в Антиохии. Как видный ревнитель православия, он был удостоен должности синкелла Антиохийского патриарха⁸, а также, по словам церковного историка Иоанна Ефесского, возглавлял странноприимный дом

³ *Berardino di A. Patrology. Vol. V. Cambridge, 2006. P. 401.*

⁴ *Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3. СПб., 1859 [репр.: Сергиев Посад, 1996]. С. 193.*

⁵ Об этом сообщает блаж. Иоанн Мосх в сочинении «Луг духовный»: «Вот что рассказал нам авва Мина, настоятель той же киновии, как слышанное от самого аввы Евлогия папы Александрийского. Когда я был в Константинополе, я пользовался приязнию архидиакона Римской церкви господина Григория, мужа весьма добродетельного» (*Joan. Mosch. Pratr. spirit., 147*).

⁶ 8 из них в русском переводе опубликованы в журнале «Воскресное чтение» за 1849 г.

⁷ Всего сохранилось 13 писем с июля 596 по июль 603 г.

⁸ *Maspero J. Histoire des Patriarches D'Alexandrie. Paris, 1923. P. 259.*

(ξενοδοχεῖτον)⁹. В 580 г. император Тиверий II назначил его православным («мелкитским», «халкидонитским») Александрийским патриархом, сменившим на кафедре Иоанна II. Положение Евлогия на кафедре сразу оказалось сложным, поскольку он — как иностранец, избранный без участия египетского клира и посвященный в Константинополе — встретил большие трудности в совершении своего архиерейского служения. Патриаршество Евлогия пришлось на один из самых сложных периодов острого противостояния как между православными (дифизитами) и монофизитами в Александрийской церкви, так и между различными течениями внутри самого монофизитства. В этих условиях свт. Евлогий проявил себя как его непримиримый и деятельный противник, и напротив, последовательный сторонник IV Вселенского Собора в Халкидоне, полемист против монофизитства и других ересей, как талантливый и решительный администратор и достойный архиерей. Он рассылал по египетским монастырям, многие из которых были заражены монофизитской ересью, свои сочинения, строил в Александрии новые православные храмы. В частности, он восстановил церковь св. мученика Юлиана¹⁰, построил храм Пресвятой Богородицы «Дорофеи»¹¹. В своей борьбе прибегал к помощи императорской власти и вынудил

⁹ *Joan. Eph. Hist. eccl. I, 40.*

¹⁰ «Видение Евлогия, патриарха константинопольского. Мы были в Енна-те, в киноии «Тугара». Настоятель киноии авва Мина рассказывал нам о св. папе Евлогии: «Однажды ночью, совершая у себя в домовом храме епископии правило, он увидел стоявшего близ него архидиакона Юлиана. Увидав его, он изумился, что он дерзнул войти без доклада. Однако промолчал. Окончив псалмопение, папа сделал земной поклон. Сделал то же самое и явившийся ему в образе архидиакона. Поклонившись, папа встал, но тот оставался простертым на полу.

— Доколе же ты будешь лежать? — сказал папа, обратившись к посетителю.

— Если ты не прострешь руку и сам не поднимешь меня, — отвечал он, — я не могу встать. Тогда авва, протянув руку и взяв его, поднял. Потом продолжал словословие. Немного спустя оглянувшись, он уже никого не увидел. По окончании утренних молитв, он позвал своего келейника и спросил его:

монофизитского Александрийского патриарха Дамиана в 602 г. бежать из Египта. Во время произошедшего в Александрии восстания и возникшей в городе анархии, ему пришлось взять на себя, помимо церковной власти, также гражданскую и военную, сместив с должности императорского префекта Иоанна¹².

Ревностная защита деяний IV Вселенского Собора и Томоса свт. Льва Великого отражена в описании, переданном блаж. Иоанном Мосхом, чудесного троекратного явления синкеллу Евлогия, епископу города Дарны в Ливии Феодору во сне вместе со свт. Евлогием уже преставившегося к тому времени свт. Льва, который благодарил Евлогия от лица Господа Иисуса Христа и св. апостола Петра за то, что он «прекрасно и сильно вступился за послание (Томос), раскрыл его мысль и заградил уста еретиков»¹³. Однако противостояние широких масс коптского монофизитского населения не

— Почему ты не сказал мне о приходе архидиакона, и он без доклада пришел ко мне и притом ночью? Келейник уверял, что он никого не видел, и никто не входил. Не поверив ему, папа сказал:

— Поди — позови сюда привратника. Привратник явился. Папа спросил его:

— Не приходил ли сюда архидиакон Юлиан? Тот с клятвою утверждал, что не приходил и не уходил. И только теперь папа успокоился. Утром явился архидиакон Юлиан для благословения. Папа спросил его: — Зачем ты, архидиакон, нарушил порядок и сегодня ночью пришел ко мне без доклада?

— Молитвами твоими, владыко, я не приходил сюда, да я из дому вовсе не отлучался до настоящего часа. Тогда великий Евлогий понял, что ему являлся мученик Юлиан, с целью побудить его воздвигнуть его храм, потому что от времени он разваливался и угрожал падением. Читатель мученика блаженный Евлогий с большою готовностью простер руку свою и воздвиг его храм, выстроив его с основания и благолепно украсив, как подобает храму мученика» (*Joan. Mosch. Pratr. spirit.*, 77).

¹¹ «Однажды, вместе с господином Софронием, мы пришли в дом софиста Стефана, чтобы заняться с ним. Было около полудня. Он жил близ храма Пресвятой Богородицы, именуемой «Дорофея». Храм был воздвигнут блаженным папою Евлогием» (*Joan. Mosch. Pratr. spirit.*, 147).

¹² *Maspero J. Histoire...* P. 268.

позволило святителю утвердить свою церковную власть в Верхнем Египте¹⁴. Ненависть монофизитов выразилась, в частности, в распространении клеветнических слухов о его занятиях языческой магией с человеческими жертвоприношениями¹⁵. В 588 (589) г. свт. Евлогий собрал в Александрии собор для борьбы против секты иудейской направленности — самарян-досифеян¹⁶. Свт. Евлогий поддерживал с Римской церковью в лице свт. Григория Двоеслова духовные, богословские и даже хозяйственные (поставки леса на судах в Алек-

¹³ «Видение Феодора епископа Дарны Ливийской о том же блаженном Льве. Святейший епископ города Дарны в Ливии Феодор рассказал нам.

Когда я был синкеллом св. папы Евлогия, я увидел во сне благолепного и великого мужа, говорившего мне:

— Извести о моем приходе папу Евлогия.

— Кто ты, владыко, и как прикажешь известить о тебе?

— Я — Лев, папа Римский, — отвечал мне явившийся.

Войдя к папе Евлогию, я возвестил ему:

— Святейший и блаженнейший папа Лев, предстоятель церкви Римской, желает поклониться вам.

Папа Евлогий, лишь только услышал, немедленно встал и поспешил ему навстречу. После взаимных приветствий, сотворив молитву, они сели. Тогда воистину чудный и богоносный Лев обратился к папе Евлогию со словами:

— Знаешь ли, зачем я пришел к вам?

— Нет, — отвечал папа Евлогий.

— Я пришел поблагодарить вас за то, что вы прекрасно и сильно вступились за мое послание, которое я написал к брату нашему Флавиану, патриарху константинопольскому, раскрыли мою мысль и заградили уста еретиков. Знай, брат, что вы не мне только угодили своим подвигом, а верховному Апостолу Петру и прежде всего Самой, проповедуемой нами, Истине, Которая есть Христос, Бог наш.

Видев не раз, но трижды это сновидение и убежденный троекратным видением, я рассказал об нем св. папе Евлогию. Он, выслушав меня, заплакал. Простирая руки к небу, он вознес благодарность Богу, говоря: «Благодарю Тебя, Господи Христе Боже наш, что удостоил меня, недостойного, быть проповедником Твоей истины, и ради молитв служителей Твоих Петра и Льва благодать Твоя приняла малое усердие мое, как две лепты вдовицы» (*Joan. Mosch. Pratr. spirit.*, 148).

сандрию) контакты. Свт. Григорий Двоеслов в своих письмах к Евлогию сообщает об отправке им личного подарка Александрийскому патриарху — креста с частицей вериг свв. апостолов Петра и Павла, а кроме того, усваивает Евлогию не только успехи в активной деятельности против еретиков в Египте, но также высокую добродетельную жизнь и силу молитвы, исцеляющей самого Григория от болезни и способствующей обращению язычников северной Европы в христианство¹⁷.

Святитель Евлогий Александрийский почил 13 февраля 607 или 608 г., его память Православная Церковь празднует 13 / 26 февраля.

Острейшая религиозная конфронтация в Египте того времени отразилась и на большом количестве богословских сочинений свт. Евлогия, которые носили, как правило, полемический характер. Христианская древность сохранила сведения о 7 догматико-полемических трактатах, 3 экзегетических комментариях и 12 словах этого святого отца. Свт. Фотий, хотя и называл язык сочинений Евлогия лишенным элегантности и не без солицизмов в построении фраз, а Михаил Сириец осуждал не совсем чистый греческий язык Евлогия, однако доказательная сила диалектических аргументов последнего, и в том числе, по мнению свт. Фотия, была неотразимой¹⁸. В целом язык и характер богословия свт. Евлогия можно определить скорее как аналитический.

К сожалению, подлинные произведения его сохранились лишь во фрагментах:

1. «Защитения» (Συνήγορία, Defensiones) (PG. 86. 2956 В–2957 В; Doctrina Patrum. P. 209–213; CPG. 6972).
2. «Сомнения православного» (Dubitationes orthodoxi) или «Семь глав о двух природах Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса

¹⁴ Berardino di A. *Patrology...* P. 401.

¹⁵ Об этом сообщают Евагрий Схоластик, Иоанн Ефесский, Михаил Сириец: *Evagr. Schol. Hist. eccl.* V, 17–18; *Joan. Eph. Hist. eccl.* III, 27–35; *Mich. Syr.* X, 12.

¹⁶ *Niceph. Hist. eccl.* 28, 26; Maspero J. *Histoire...* P. 260.

¹⁷ *Greg. Magn. Epistulae. Lib. VIII, ep.* 30.

¹⁸ *Maspero J. Histoire...* P. 259.

Христа» (Κεφάλαια ἑπτὰ περὶ τῶν δύο φύσεων τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτερός ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ) (PG. 86. 2937–2940, PG. 91. 264–265; Doctrina Patrum. P. 152–155; CPG. 6971).

3. Экзегетические фрагменты (на Пс 31:1–2; три на Лк; Ин 21:16) (PG. 86. 2961–2964; CPG. 6973–6975).

Патриарх Фотий перечисляет еще целый ряд названий не сохранившихся сочинений, приводя краткий конспект их содержания:

1. «Против новациан» (Contra Novatianos) 6 книг (Phot. Bibl. Cod. 182, 208, 280; PG. 103. 532–536; 677; PG. 104. 325–356).

2. «Против Тимофея и Севира» (Κατὰ Τιμοθέου καὶ Σεβήρου, Contra Severum et Timotheum) (Phot. Bibl. Cod. 225; PG. 103. 939–949).

3. «Против Феодосия и Севира» (Κατὰ Θεοδοσίου καὶ Σεβήρου, Contra Theodosium et Severum) (Phot. Bibl. Cod. 226; PG. 103. 949–953).

4. «Против феодосиан и гайанитов» (Λόγος στηλιτευτικός κατὰ τῆς γεγενημένης τοῖς Θεοδοσιανοῖς τε καὶ Γαϊνίταις ἐνώσεως — «Слово обличительное по поводу состоявшегося объединения феодосиан и гайанитов») (Phot. Bibl. Cod. 227; PG. 103. 953–956),
а также 11 слов:

1. «Апология соборных писаний» (Apologia pro litteris synodis) (PG. 103. 1024–1028 A);

2. «Изложение веры» (Expositio fidei) (PG. 103. 1028 AC);

- 3–5. Три «Апологии Халкидонского собора» (PG. 103. 1028 C–1060 A);

6. «Против тех, которые думают, что можно основать истинное христианское богословие на человеческих понятиях» (Adversus eos, qui putant humanis conceptionibus veram theologiam christianam posse subiici) (PG. 103. 1060 B–1069 B);

7. «К Домициану еп. Мелитинскому» (Ad Domitianem Melitenum) (PG. 103. 1069 B–1073 A);

8. «К Христофору» (Ad Christophorum) (PG. 103. 1073 A–1077 C);

9. «Увещание к удаляющим себя от Церкви» (Paraensis ad eos qui ab Ecclesia discesserunt) (PG. 103. 1077 D–1080 D);

10. «Против агноитов» (Adversus Agnoetas) (PG. 103. 1080 D–1084 C);

11. «Против самаритян-досифеян» (Adversus Samaritas Dositheanos) (PG. 103. 1084 D–1088; CPG. 6976).

Кроме того, свт. Евлогию приписывались некоторые сочинения, авторство которых признано неподлинным или сомнительным: «Слово о Троице и Воплощении» (Λόγος περὶ Τριάδος καὶ τῆς θεϊαῶς οἰκονομίας τοῦ ἑνὸς τῆς Τριάδος Θεοῦ Λόγου; De Trinitate et de Incarnatione) (Phot. Bibl. Cod. 227; PG. 86. 2940–2944; CPG. 6979) поначалу признававшееся принадлежащим авторству Евлогия (O. Vardenhewer, С.Л. Епифанович), впоследствии было признано сомнительным (С.Л. Епифанович, А.И. Бриллиантов) и относящимся к более позднему времени борьбы против монофелитства, и принадлежащим предположительно свт. Епифанию II Кипрскому — современнику VI Вселенского Собора 680–681 г. Известное «Слово на праздник Ваий» (Λόγος εἰς τὰ Βαΐα καὶ εἰς τὸν πῶλον; Sermo in ramos palmarum et in pullum asini) (PG. 86. 2913–2937) также признается неподлинным и принадлежащим перу свт. Софрония Иерусалимского (С.Л. Епифанович). Гипотезу о неподлинности части фрагментов из сочинения Συνηγορία (Р. 69–71, 193–198, 205–206, 214–216, 220–221) содержащихся в сборнике Doctrina Patrum — «Учение Отцов» (DP) высказал М. Richard¹⁹. Кроме того, признаны не принадлежащими Евлогию также некоторые фрагменты в PG. 86 (2944 D — 2956 A, 2957 C — 2960 C). Их авторство принято усваивать перу Иоанна Грамматика Кесарийского.

Главная сфера богословского наследия свт. Евлогия — христологическая, наиболее актуальная в эпоху споров с монофизитами. Впрочем, он в своих сочинениях касался и других тем, как косвенно связанных с христологией — триадологии и уяснению смысла триадологических категорий, так и не связанных с ней — проблематики Св. Предания, борьбы с ересями, экзегетики Св. Писания.

Ниже мы приводим перевод сохранившихся фрагментов из двух христологических сочинений свт. Евлогия Александрийского — два из его «Защищений» и серии глав из «Сомнений православно-

¹⁹ См.: Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. Vol. II. Part 4. Westminster, US, 2002. P. 66.

го». Эти произведения носят полемический и апологетический характер и направлены на опровержение монофизитского учения о единой природе Христа и на подтверждение учения Халкидонского Собора о двух природах во Христе. Публикуемые сочинения обращены к монофизитским оппонентам православных. В «Защищениях» свт. Евлогий опровергает буквальное применение монофизитами к соединению во Христе Божества и человечества аналогии души и тела как простых природ в одной сложной природе человека, состоящего из души и тела, и продолжающих свое природное существование и после разлучения. Свт. Евлогий, следуя положениям святоотеческой антропологии, отвергает тезис о самостоятельности души и тела и о возможности называть душу и тело разными природами. По мысли свт. Евлогия душа и тело в человеке хотя и иносущны, то есть не тождественны друг другу в силу материальности тела и бесплотности души, однако не иноприродны, поскольку составляют одну природу человека и не мыслятся абсолютно отдельно друг от друга, но получают свое «определение» в рамках человеческой природы как тело человека и душа человека, но не сами по себе. Кроме того, данная аналогия должна привести не к двойственности во Христе (человечество и Божество), но к тройственности (плоть, душа, Божество), и подобная тройственность, в таком виде выраженная, весьма сомнительна. В «Сомнениях православного» свт. Евлогий предлагает целый ряд апорий — логических затруднений, с точки зрения предшествующего и признаваемого и самими монофизитами церковного учения, проистекающих из монофизитского учения об одной природе Христа. Напротив же, по мысли свт. Евлогия эти затруднения вынуждают противников Халкидона признать две природы во Христе.

Кроме того, ниже приведен перевод богословского сочинения свт. Евлогия под названием «Против тех, которые думают, что можно основать истинное христианское богословие на человеческих понятиях», сохранившегося в кратком конспекте свт. Фотия Константинопольского в его «Библиотеке». Данное произведение, даже в передаче свт. Фотия, как, в данном случае пересказчика и компилятора, представляет собой образец, так сказать, высокого богословия и посвяще-

но теоретическим проблемам православной триадологии — учению о Святой Троице. Свт. Евлогий здесь занят «аналитикой триадологических категорий» — осмыслением и определением понятий «ипостась», «сущность» и других. Доходя до самых основ православного учения о Святой Троице, он исправляет возможные логические ошибки в понимании термина «ипостась», проистекающие из сложившейся категориальной традиции в логике, в связи с пониманием этого термина как сложения (сплетения) общего и частного. Свт. Евлогий дает «обратную перспективу» употребления богословской категории «ипостась» и возвращает сам процесс богословствования в «церковную сферу», на почву Священного Писания, оторвавшись от которых некоторые богословы (и в особенности еретики), уйдя в область чистого логико-понятийного теоретизирования, не только делали неправильные или даже еретические выводы, но и просто-напросто формировали неверное представление о Боге-Троице и Его Лицах. Они занимались тем, что оперируя такими понятиями как «ипостась», «природа», «свойство», «особенность», «частное», «общее» и др., образно выражаясь, «раскладывали» Святую Троицу «по полочкам» своего разума, превращая Живого Бога в систему рассудочных категорий и логических схем, подчиняя Его правилам логики человеческих рассуждений. Из-за вовлечения в христологическое богословие, начиная с Халкидонского Собора 451 года, «исконно» триадологических понятий (ипостась, лицо, сущность, природа, единосущие), неправильное понимание этих терминов оказывало свое влияние и на сферу христологического богословия, идейно подпитывая некоторые ереси (в первую очередь монофизитство). Поэтому свт. Евлогий обращается в вышеупомянутом сочинении к проблеме определения точного смысла понятий.

Кроме того, свт. Евлогий поднимает важную теоретическую проблему соотношения богословского языка и Той Божественной реальности, на Которую язык богословия призван указывать. Главным лейтмотивом всего сочинения является решение проблемы адекватности и теоретической эффективности богословского языка и его понятий, проблемы не только богословской, но и философско-гносеологической. Еще ранее та же проблема несопостави-

мости человеческих средств познания и отображения познанного применительно к Богу и реальности духовной вставала в связи с т.н. антропоморфизмом в широком смысле слова²⁰. В сочинениях христианских авторов-экзегетов, таких, как свт. Григорий Нисский, прп. Максим Исповедник, и особенно в «Ареопагитиках», «антропоморфическая» экзегетическая проблема была успешно решена посредством анагогического толкования, то есть истолкования чувственных образов Священного Писания в духовном смысле — подобающем Богу, пребывающему Своей духовной Природой превыше всякого чувственного образа. Та же проблема, впрочем в специфическом аспекте, вставала применительно к пониманию Священного Писания еще ранее — в эпоху мужей апостольских, и особенно раннехристианских апологетов, ведших полемику против иудаизма. Они доказывали иудеям, что Писание, Бога в Писании и образы Его Откровения о Христе стоит толковать не по-иудейски приземлено, но достойно Бога как Духа, то есть типологически. Впрочем, и здесь целому ряду авторов не удалось последовательно провести в жизнь этот принцип подхода к Писанию, примером чего являются достаточно частые случаи хилиазма, то есть истолкования эсхатологических фрагментов Писания в иудейско-буквальном «приземленном» смысле установления земного тысячелетнего Царства Христа. Проблема, которую затрагивает свт. Евлогий — из той же области. Ее отличие от вышепере-

²⁰ Мы указываем на *широкий смысл* применительно к *субъекту* познания — человеку, поскольку он воспринимает образную действительность в доступных, адекватных и привычных для его восприятия образах (в данном случае), и в этом смысле всякая духовная реальность, выражаемая на человеческом языке — антропоморфична. Понимаемый же в *узком смысле* антропоморфизм, в смысле *объекта* восприятия, не исчерпывает всей полноты образности Писания (в котором Бог и духовная реальность хотя и изображаются по-преимуществу в человекообразных, то есть антропоморфных символах, но сопровождается также и другими типами образности — т.н. зооморфизмами (лев, вол, орел, рог и т.д.) и натуроморфизмами (образностью, взятой из неживой природы — камень, огонь и т.п.).

численных примеров в том, что инвариантом ее является не образ и чувственно-образные исторические описания, но абстрактно-логические понятия и категории, в которых и проходила, по преимуществу, христологическая полемика V — VI веков. Однако суть проблемы осталась той же — всегдашний необходимый «учет» статуса и свойств природы Божества и мира духовного при выражении этой Реальности, в богословии ли, в церковном искусстве, в экзегетике. Если же такой «учет» не производится, то это чревато серьезными богословскими и практическими — для духовной жизни — ошибками и заблуждениями, обнаруживающимися лишь на фоне общей картины церковного учения. Случай, о котором идет речь в этом сочинении свт. Евлогия — весьма «тонкий»: определение понятия ипостаси на формально-логическом уровне предполагает определенную двойственность, а следовательно — некоторую сложность. Ипостась характеризуется сочетанием (буквально — «сплетением») *общего* (природа, сущность) и *частного* («идиома» — частное или личное свойство, «идиотэс» — особенность). Однако, вследствие церковного учения об абсолютной простоте Божества, даже не нарушаемой троиственностью Ипостасей во Святой Троице, проистекает затруднение (апория): Ипостась в Троице сложна или проста? Если проста, то как совместить эту простоту с логическим определением ипостаси как сложения (частного и общего), если сложна, то как можно примирить эту сложность с простотой Божества, не допускающей никакой сложности? И свт. Евлогий как богослов, будучи строгим логиком, определенным образом решает это логическое затруднение. Он «разводит в стороны» две реальности — реальность Божественную, характеризующуюся простотой природы Божества и реальность человеческого мышления, которое подразумевает под собой реальность (сложную и протяженную) материального мира, в котором живет человек, и который невольно определяет человеческое мышление, которое также поэтому характеризуется сложностью и определенной дискретностью. Свт. Евлогий призывает не смешивать две эти реальности во избежание путаницы и ошибок. В итоге получается, что «уверенный тон» «отточенного и отшлифованного» богословского

категориального языка применительно к Богу в Его Сущности оказывается не совсем, мягко говоря, адекватным.

Впрочем, это не ставит вопроса о ненужности богословия как такового, а скорее гносеологического апофатического смирения богословия в силу признания определенной условности целого ряда важнейших категорий и определений. Кстати, этим же свт. Евлогий мастерски предвосхищает православный подход ко всякого рода западной Средневековой (и не только) схоластике, как зачастую искусного «конструирования» и «комбинирования» понятий, в забвении о Том, о Ком эти понятия и о Его реальном бытийном статусе. Свт. Евлогий, показывая несостоятельность устоявшегося понимания «рационалистического» богословия с опорой на логические категории, и тем самым «убирая» эту опору, не оставляет здания христианского богословия без опоры вообще, а указывает скорее на подлинный фундамент христианского богословия — Священное Писание, в котором и находятся главные категории христианского богословия, пусть и не абсолютно подчиняющиеся строгой понятийной логике «рационального богословия», зато освященные авторитетом богодухновенности Божественного Откровения. Среди таких понятий, а лучше сказать — Божественных имен — и такие «нелогичные», но напротив, по-библейски натуралистичные, как Премудрость, Сын Божий, Сила Отчая и другие. Впрочем, и обсуждаемое в триадологических и христологических спорах понятие ипостаси встречается здесь же — в Писании (Евр 1:3), однако не имеет в языке Библии того абсолютного значения, которое ему было придано в «рациональном» богословии, но употребляется наравне с другими. Поэтому святой отец настойчиво обращает внимание читателя от богословия рационального к богословию библейскому.

В целом же можно сказать, что рассматриваемые сочинения свт. Евлогия Александрийского представляют собой образцы самого высокого по своей теоретичности святоотеческого богословия. Хочется надеяться, что они привлекут к себе благосклонное внимание современного читателя, которое искупит собой возможные недостатки перевода.

Библиография

1. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3. СПб., 1859 [репр.: Сергиев Посад, 1996].
2. *Berardino di A.* Patrology. Vol. V. Cambridge, 2006.
3. *Grillmeier A.* Christ in Christian Tradition. Vol. II. Part 4. Westminster, US, 2002.
4. *Maspero J.* Histoire des Patriarches D'Alexandrie. Paris, 1923.